

главе I своего сочинения. Главным же лицом, заинтересованным в мятеже, он считает жаждавшую власти царевну Софью.

Сумароков явно следует Матвееву, когда постоянно уподобляет стрельцов диким зверям, а движущей пружиной стрелецкого бунта объявляет интриги Милославских, их потакание низменным страстям «черни» — склонности стрельцов к пьянству, разбою, анархии: «Имя Нарышкиных у черни, особливо у стрельцов, было приведено ухищрением боярина Ивана Михайловича Милославского в ненависть; ибо всякое в народе огорчение, налоги, насилия, драки по улицам (...) все то Нарышкиным приписывалось (...) Все то было им вымышляемо, что хитрости человеческой при подлой душе свойственно. А потому что он имел дело с чернью, так и политика на самой простоте основанная была употребляема. Иная проповедь людям просвещенным, иная черни».²¹ Сумароков не скрывает подчеркнуто сословного подхода к оценке описываемых им событий, и в этом его позиция исторического повествователя также резко отличается от ломоносовской.

Используя сведения относительно причин бунта, сообщаемые Медведевым, Ломоносов, однако, полностью самостоятелен в оценке движущих сил, определявших развитие событий; он в полной мере отдает себе отчет в особой заинтересованности в бунте царевны Софьи, опиравшейся в достижении своих честолюбивых целей на Милославских и Толстых. Но он стремится к максимальной полноте в раскрытии причин возмущения и предельной объективности в их оценках. Правда, при освещении всех перипетий стрелецких волнений он постоянно имеет в виду отстаивание одной, главной для него, идеи — утверждение изначального права Петра на занятие престола, и в описании некоторых обстоятельств, сопутствовавших началу и ходу бунта, сообщаемые им факты расходятся со свидетельствами других современников событий.

Сумароков, напротив, следуя в основном за рассказом Матвеева, вычленяет из его содержания те события, которые согласуются с его собственным, сложившимся а priori взглядом на них, подчас дополняя описание событий мельчайшими подробностями, отсутствовавшими в известиях как той, так и другой стороны. Так после сообщения о смерти царя Федора Алексеевича в «Записке» Матвеева следует описание приезда ко двору для защиты интересов законного наследника представителей знатнейших княжеских родов Голицыных и Долгоруких, причем все были «в панцирях, скрытых под платьем». Если Ломоносов опускает эти подробности, то Сумароков не только воспроизводит данный факт, но значительно расширяет список дворян, сохранивших верность сословному долгу. А излагая далее эпизод, когда при объявлении наследником Петра подстрекаемый партией Милославского и Софьи некий

²¹ Там же С 185—186